

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

УПОВАНИЕ НА ЧУДО

О чём печалится писатель Валентин Распутин

“Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне”.

Евангелие от Матфея, 10:28

Весь прошлый век православные будут с содроганием поминать то кровавое лихолетье, когда верховодящие богоборцы и русоненавистники, кликуемые либералами, демократами и большевиками, используя печать, митинговый толповый азарт горьковских бичей-челкашей, а потом и наемные карательные силы, обрушились на все то, что являлось духовной и национально-культурной опорой нации. И русское священство, и православное воинство, и смиренное крестьянство положили плоть и души – по завету святорусского богатыря и святого чудотворца Илии Муромца – за едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь Христову, ибо понимали: отнимут антихристы у народа веру – тут же сгубят и народ, и Православное Отечество. Преподобный Сергий Радонежский, молитвенник Земли Русской, благословляя святого благоверного великого князя Дмитрия Донского перед дорогой в ханскую ставку, поучал: “Если требует чести – отдай, если ищет золота – отдай; но за веру православную и Христову Церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот положить...”

Бодро и песенно погружались в историю красные десятилетия, и уже чудилось, народ перемалывает антихристову власть на оживших русских жерновах: чтобы не насторожить *хазарскую ветвь красной власти*, заказанную Глобальной Сатанократией, *русская ветвь красной власти* исподволь, но верно служит родному народу, отчего в Российско-Советской Империи, пережившей опустошительную войну, случился нежданный-негаданный, поразивший весь мир великий всплеск культуры, науки и производства.

Шепни, кто друг твой, и я скажу, кто ты; равно: тихо молви, кто враг твой, и я скажу, кто ты... Когда воцарившиеся на Руси демократы-супостаты с кипящей на губах кровавой пеной поносили Сталина, тревожа упокоенную душу, словно кладбищенские воры-гробокopatели могильный прах, мыслящим русским стало ясно: коль им, врагам народа русского, столь ненавистен усопший вождь, то, значит, нам, русским, он нужен.

Во Вторую мировую войну – нет худа без добра – народ обрел историческую память, вспомнил и вновь возлюбил светочей Земли Русской, подобных

крестьянскому сыну, казачьему атаману, святому иноку Илие Муромцу, добрых святым и благоверным князьям Димитрию Донскому и Александру Невскому, подобных царю Ивану Грозному, мечом и топором собравшему земли русские в Царство Православное. Чудилось, народ, одыбавшийся после войны, воспрявший творческим духом, обретающий веру Христову, выйдет на православно-самодержавный, испытанный тысячелетием, насильственно прерванный путь... Но не тут-то было! Враг рода русского не дремал: богорборческая хрущевская “оттепель”, потом — затишье, и снова зловещая тень комиссарского лихолетья нависла над Отечеством.

Приступали роковые девяностые годы двадцатого века... И мы воочию увидели, как верные соратники ленинских комиссаров, с подозрительной настойчивостью величающие себя “демократами”, через подвластную блудливую прессу вновь разживили тлеющий русофобский террор против духовных и национально-культурных сил русского народа — сил, какие силами-то можно было назвать с великой натяжкой, ибо выживали и вновь вызревали лишь малые островки православной духовности и русской народности в послевоенных поколениях.

Мрачным образцом русофобского террора стала площадно-бранная, зло-радно-методичная травля писателей Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Личутина. Зверским обликом травля напомнила “культурную революцию” начала прошлого века, когда распявшие Христа и обезбоженные россияне свирепо травили Есенина, Клюева, Васильева и других крестьянских поэтов.

Пока завербованные Мировой Сатанократией наемники в российской власти с помощью купленных *жюльнарисстов* порочили писателей, я думал: не заслонить солнце рукавицей, не испугать молодца небылицей; но... ближе к закату века доморощенная русофобия помудрела мудростью змия-искусителя и вроде бы утихомирилась: мол, какого лешего впустую глотку драть, за дарма писателям скандальную славу раздувать!? не мудрее ли искусить гордыней, сребролюбием, честолюбием, а ежели силён духом, на долгие годы... а может, навечно... замолчать, чтобы произведения и писательские имена не укоренились в памяти нынешних поколений, возвращенных духом и разумом в “голубом порочном ящике”, куда русских писателей не подпускали на пушечный выстрел, да они и не рвались в совет нечестивых.

Но поначалу разгорелась травля, и в сем поношении более всех досталось Валентину Распутину, ибо непосильно было ему замолчать: гневный публицистический голос советского писателя звучал во всем мире, имя писателя читл весь свет — Герой Социалистического Труда, награжденный многими советскими орденами и медалями, дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат многочисленных всероссийских, всесоюзных, международных премий, переведенный почти на все языки мира, к сему некогда приближенный к верховной советской власти, введенный в общественно-политический совет Михаила Горбачева, бывшего президента Советской Империи, Генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза.

Поношение началось, увы, не в девяносто первом — в злосчастном году бесноватых корежило мятежное “Слово к народу”, подписанное Распутиным; нет, поношение вспыхнуло еще в пору, когда писатель, сбавив высокохудожественный обличительный пыл, в былые годы восторженно принятый Западом, в публицистике и принародном вечеровом слове, не хороня простолоудье русское, погрязшее в грехах и немочах, вдруг прямо и откровенно заговорил и о духовном, национальном, творческом величии простого русского народа, и царского, и советского, — величии, кое исподволь и откровенно осмеивалось *мировой образованщиной*. Пока писатель говорил о духовном оскудении некогда богоносного русского народа, повинного в своей национальной трагедии, переворотчики России еще готовы были, скрепя сердце, кое-как поддерживать Распутина. Хотя и в *обличительную* пору писатель, не возгордившись, не воскресив над простолоудьем, сознавая себя крестьянским сыном, не услаждался созерцанием, описанием, осмеянием народных грехов и немочей, но писал о народе с печальной любовью и сердечной болью. Душа болит: что же с нами происходит?! — вторил писатель Василию Шукшину. Но ждали от Распутина большего: чтобы начертал на родном народе черный крест, напрочь стирающий его небесное былое и неисповедимое будущее, а тогда, глядишь, и Нобелевская премия не за горами. Впрочем, могли бы

посулить, а потом... в кусты, ищи-свищи ветра в поле: бесы – они бесы и есть. Но вместо ожидаемого черного креста писатель *неожиданно* стал утверждать, что народу русскому, несмотря на грехопадение, есть чем гордиться перед миром и что, обернувшись лицом к духовно-православному былому, народ еще может исцелиться и, яко христорадной свечкой, вновь светить миру, заблудшему впотьмах. И тут окаянные всполошились, спустили на писателя “всех собак” – новоявленную прессу, готовую облять всё, “где русский дух, где Русью пахнет”. Словно угарный чад и смрад горячей загородной свалки, заволокла Русь ядовитая пресса, о которой воистину рече Господь: “Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был чело-векоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи” (Иоанн, 8:4).

“Ключ ко всем современным интригам лежит во всемирном заговоре против России, предрекающем ей страшную будущность”, – писал Фёдор Достоевский, а русский мыслитель Иван Ильин уточнял: “Европейцам нужна ДУРНАЯ Россия: ВАРВАРСКАЯ, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; УГРОЖАЮЩАЯ СВОИМИ РАЗМЕРАМИ, чтобы ее можно было расчлениить, ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ, чтобы организовать коалицию против нее; РЕАКЦИОННАЯ, РЕЛИГИОЗНО-РАЗЛАГАЮЩАЯ, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; ХОЗЯЙСТВЕННО-НЕСОСТОЯТЕЛЬНАЯ, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии”.

Враги России – чужеземные и доморощенные, слитые в глобальную Хазарию мастера социально-политических потрясений, революций, отечественных и гражданские войн, – в пламенных речах лишь для отвода глаз толковали о народном счастье, ибо имели лишь одну затаенную мистическую цель: расшатать веру православную, сокрушить державу, как земное изножье Престола Господня. “После падения коммунизма главным врагом Америки является русское Православие”, – откровенничал экс-госсекретарь США Збигнев Бжезинский, воображая Америку военным полигоном мировой Хазарии, что воцарится в мире перед приходом Антихриста, о коем пророчествовали святые отцы Христовой Церкви.

И русские националисты – не расисты, но любящие свою нацию, – обороняя Россию, обороняли веру Христову. Не случайно в древних старинах святорусский богатырь, преподобный Илия Муромец, осиянный гневливым и праведным духом Михаила Архангела, вздымается на оборону Церкви Божьей, ибо, как поется в старине, испокон-то русского веку грозились поганые порушить веру Православную. Богатырь Сокольник (он же богатырь-нахвальщик Жидовин из иудейской Хазарии) зло сулится:

*Я соборны больши церкви на огонь сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу;
Чудны образы-иконы на поплав воды...*

Нахвальщики-жидовины – сокольники, тугарины, собаки калины-цари, – не могли порушить православные храмы, пошатнуть веру Православную, но, по грехам русским, воцарившись на Руси в начале прошлого века, а потом и в конце столетия, едва не одолели, ибо...

*Нет жива-то старого казака Илия Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за Отечество,
Некому стоять за церкви ведь за Божию... –*

В очерке “Плач о литературе” я писал, и ныне напомним о том, что трагедия перестроенной России даже не в том, что искушенные чужебесным Западом, доморощенные воры и душегубцы державу в одночасье ограбили до нитки, и российский народ проснулся нищим и обездоленным; великая трагедия России в том, что **окаянная власть** ...воистину наёмники Мировой Сатанократии... вот уже два десятилетия с дьявольским упорством, **с дьявольской методичностью трудится над изменением русского характера**.

Нынешние российские зрелищные искусства, подобные бесовским пляскам на русских жальниках, даже несмотря на сопротивление Русской Право-

славной Церкви, выбивают из русского характера исконные начала: любовь к Вышнему и ближнему, к роду и родному народу, к православному Отечеству, братчинность, общинность, совестливость, обостренное чувство справедливого мироустройства. Высокие и спасительные для народа и Отечества духовно-нравственные начала вытесняются индивидуализмом, корыстолюбием, честолюбием, животными инстинктами. Чего ради сие творится? Историческая случайность или некий политический, а вернее, мистический замысел о России? Ответ простой... Вот ставшая хрестоматийной, набившая оскомину цитата из политического наставления идеолога Мировой Сатанократии, ненавидящей православный русский народ: “Разрушим их хвалёную духовность, и Россия рассыплется сама”. В прошлые века, когда не было в помине глобальных средств массовой информации, помянутые этические начала жили в народе неколебимо, и лишь в придворных и притворных российских сословиях под влиянием западноевропейской культуры происходили ментальные изменения, утрача национального характера. Но **в годы перестройки с ее агрессивной и всеохватной дьявольской пропагандой**, с использованием телевидения, космополитизации эгоцентрическому индивидуализму подвергся уже весь русский народ – особенно предпринимательское сословие – **стал утрачивать исконный духовно-нравственный образ**”.

* * *

Писатель и сам напоминал, что вновь над Матушкой-Россией нависла зловеще-черным вороньим крылом тень двадцатых годов: “Россия уходит у нас из-под ног... Отечество в действительности в опасности. Мы можем завтра проснуться в своих собственных постелях, но уже не в России”; но если в мрачную большевистскую годину убивалось само тело русского народа – душу православную в одночасье не сразишь, – то с крушением народной империи испепелялась душа народная. Она, русская душа, губилась и в прошлые полвека, отчего наше всеобщее грехопадение дошло до могильного края, но если в доперестроечные годы – годы советской государственности – нравственные начала все же с грехом пополам, дивом дивным выживали и еще были в ходу и пользовании (отчего и явилась миру талантливая народная литература, духовным, подсознательно христианским образцом которой стало творчество Астафьева, Шукшина, Абрамова, Носова, Рубцова, Юрия Кузнецова), то теперь – в годы демократического цинизма – духовность и нравственность сгинули в смраде чужебной “массовой культуры” и остервенелой торгашеской суеты. Даже для красного словца, которое трепали на языке советские вожди, понятия духовности и нравственности стали непригодны.

Писатель указывал – и это не нравилось очередным властным наемникам, – что мы по наивности своей, по русской доверчивости возрадовались, было, что демократическая власть, вроде уже не страдающая богоборчеством, ляльна к Православной Церкви, – как, впрочем, приветна и ко всем вероисповеданиям, вплоть до зловещих сект, – и что Церковь духовно, нравственно исцелит живущие и грядущие поколения русских людей. Но и тут нас поджидало горькое разочарование: новая демократическая власть оказалась более богоборческой, нежели прежняя коммунистическая, и еще более коварно изощренной, поскольку с ее гласного и негласного дозволения воцарилась бесовская “массовая культура”, насаждающая жестокие, низменные пороки, отчего влияние Православной Церкви на молодежь свелось до капли чистой воды в грязном потоке искусительной отравы. Мало того, “массовая культура” стала похожа барахолку, где рядом с “порнухой и чернухой” торговали самодельными иконами и нательными крестами, где зарабатывали на первом, еще внешнем интересе народа к святоотеческому, церковному, одновременно унижая и оскорбляя святоотеческое церковное, приравнивая иконы и кресты к жестоковыйным картинкам. Если в музеях снижали иконы до светской живописи, то в “массовой культуре” икону спихнули в гноище, где, воспетые, красовались изображения людских пороков. А народишко... слаб, и без карающей, милующей отеческой руки, без кнута и пряника ему не выжить. Отчего и ничем не вытравивая народная любовь к отцу народов Иосифу Сталину. А коль сатанинский натиск на христианство творился и творится с ведома и дозволения нынешних демократических властей, то чем же они, демокра-

ты, отличаются от ленинских богоборцев?.. Разве что изуверским лицемерием, тем, что на великие христианские праздники властители взяли моду со свечой в церкви стоять, православных иерархов обнимать, целовать?! Однажды... а выпало лихое времечко – выборы президента России... Валентин Распутин на встрече с избирателями неожиданно заявил: “Вы думаете, у Ельцина нет совести?! Глубоко ошибаетесь...” Народ замер: неужели Валентин Григорьевич, сурово обличая разрушительную власть, смирился со злом?.. Писатель пояснил: “Вы видели, Ельцин в храме держит свечку в правой руке... А почему?.. А чтобы не креститься, не божиться – совестно, поскольку это стало бы вершиной цинизма...”

Уж не близ ли порога русского злостие, о коем пророчества в староправославной книге “Басни до конца”: “Басни до конца во мнящихся христианех будут. Тогда восстанут лжепророцы и ложные апостолы, человецы тлетворницы, злотворницы, лжуще друг друга, прелюбодеи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы, пастырие якоже волцы будут, а священницы лжу возлюбят...”

Вот о чем печалился русский художник Валентин Распутин на трагическом переломе веков. И в этом – нам теперь понятно – была его непрощаемая вина перед хазарскими наемниками, царящими в Кремле. Но... утверждал писатель... отчаянье, устал, грешное унынье, равнодушие к своей судьбе и судьбе России еще не означают, что народ русский духовно умер, и уже не сыщется среди народа героев, подобных святорусскому богатырю, преподобному чудотворцу Илии Муромцу, в ком еще не выстыла любовь к Руси, святой и православной, кто еще может постоять за веру и Отечество, положив на алтарь русской судьбы свою жертвенную судьбу.

* * *

Всякому русскому... да и российскому иноверцу, неистраченному подлой политикой, было ясно, как Божий день: “Слово к народу”, подписанное и Валентином Распутиным, не таило цель насильственного свержения власти в стране. Хотя... может быть... и эдакая цель, достигнутая, могла бы стать спасительной для России в те роковые годы. Цель “Слова...” – духовное сплочение всех благоразумных патриотических сил для духовного же и хозяйственного возрождения России. “Наше движение, – сказано в “Слове...”, – для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустроить наш общий дом, чтобы жил в нем дружно, уютно, счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад”. Разве в этом призыве таится хотя бы намёк на призыв к государственному перевороту?! А то, что в числе подписавших оказалось два будущих по тому времени “мятежника”, и что “Слово...” оказалось созвучно обращению к народу Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению (ГКЧП), означало лишь то, что последние советские государственники, замахнувшись на фармазонов, сдающих Россию мировой Хазарии, надеялись спасти Отечество у гибельного края. Жаль, что “спасение” выплеснулось в позорный фарс.

Борзые сочинители статей, где с бесовской усмешкой издевательски поносились имя и творчество Валентина Распутина, словно окаянными кулаком, потрясали авторитетом русского писателя Виктора Астафьева, и наш сибирский земляк, при всей сложности, противоречивости его тогдашних взглядов на происходящее в России, все же пытался уgomонить бешеных псов, лающих из “голубого ящика”, рыкающих с газетных гранок.

Русский цвет, чьи очи не замутились в сладостном угаре честолюбия, сребролюбия, гордыни, ясно видел: идеологический террор, исходящий от тогдашней либерально-демократической власти, обрушился вовсе и не столько на Валентина Распутина как отдельного писателя и публициста – грянул “последний и решительный бой” против русскости народа русского.

Нет победителей и нет побежденных, духовная брань не утихла; и кто одолеет на поле сражения – русские или распявшие Христа, – Бог весть, но в русских националистах... в смысле, любящих родную русскую нацию... жила неистребимая надежда на чудо: как и в былые потрясения, так и нынешние, Россия с Божьей помощью воспрянет из пепла, словно сосновый бор, выросший на былой гари. Вот и жили в ожидании чуда.

Но миновали перевал столетия, и река российского времени поглотила в мутной пучине сокровенное ожидание чуда: и даже самые ярые национал-патриоты, еще вчера дравшие глотку: “Бей врагов, спасай Россию”, — стали привыкать к тому, с чем бранились, не щадя живота, от чего еще вчера с души воротило. Смекнули: быть у воды и не напиться... Не все, но, увы, многие устали, смирились со злом в душе. Устали и на лиходеев, укравших Россию, ворчать — вдруг кинут кость с обильного стола, ибо живем снова...

Валентин Распутин в принародной, но откровенной беседе скорбел: “Нас (национал-патриотов. — **А. Б.**) раздирают, а мы набрасываемся друг на друга” (“Доля ты русская”: “Советская Россия” № 16, 2001). А почему набрасываемся, то писатель жалостливо утаил за скорбью, ибо “не судите да не судимы будете” (Мф. 7:1). Но и подсудимый душегубец, по коему тюрьма рыдает, вдруг завопит судьям: “Не судите!..” Так почему же вожди русского национализма — писатели, художники, политики и журналисты, — забыв о России, бешеными псами кидаются друг на друга, хватают за грудки?... Что же не поделили братья во Христе?... Власть, деньги, славу?..

Светлодушные, неистраченные честолюбием, славолюбием, сребролюбием, гордыней, обличали “братьев по оружию” лишь потому, что предатель страшнее врага — *свой среди чужих, чужой среди своих*. Враг виден издали, ка, виден насквозь, от врага, кроме погибели, русским ждть нечего, а чего ждть от родимого Иудушки, Бог весть: может, завтра подножку сунет, а то и засадит меж лопаток кривой варначий нож. Русское предательство, едва зримое, неисповедимое, как и нынешнее гениальное русское мошенничество, внешне благообразно. Красное словцо — одно: за веру, царя и Отечество не щадя живота!.. А жизнь — другое: без Бога и царя в голове. Иной борзый “национал-патриот” искренно и неистово крестится за Святую Русь, рвет принародно рубаху за други своя, клянет царящую *нерусь*; но вот открестился, охолонился и припомнил, что и самому бы не грех поесть хлебушка с икрой да поносить пиджачишко с искрой, а для сего, оставаясь народно-православным, надо изловчиться и к хазарскому корыту прибиться. А народишко русский — хоть сдохни от холода и глада, абы я со чады жил в довольстве и неге; а народишку русскому — по грехам кара небесная: храмы рушил, семью царскую сгубил, у властей в рабах ходил... Но потом опять за народ русский будет креститься, божиться, головой оземь биться, — в тепле, светле, на сытое брюхо сподобнее о народе страдать. Иные волокутся с постным фарисейскими ликами, с тихими “христианскими” речами и церковными свечами, за бешеные деньги в Иерусалим, чтобы помолиться у Гроба Господня, словно в нищей сельской церквушке Господь не услышит молитву; другие... неисповедимы и непостижимы судьбы людские... неистовы в любви к Святой Руси, неистовы же и в поклонении “золотому тельцу”. Верно изрёк народ: плут богомолен, а вор слезлив... Есть *новые русские*, народились еще и *новоправославные*. Глазом не моргнёт, забыв Иисуса ради хлеба куса, обманет *новоправославный* брата во Христе, с коим вчера крестами менялся, клялся: да я!.. за други своя!.. Для други своя у Егорки в значке есть отговорки: чего после драки кулаками махать, коль тьма тьмущая победила солнечную Русь, полонили бесы святое угодье?! Ныне тихо поживём, хлеб пожуём... с икрой, а пиджак поносите с искрой (повтор!). Оно, конечно, стыдно быть богатым, пока народ в нищете, ну, да Бог с ним, с родным народом, сам виноват в своей скудости, — не кается, подлец, что с хазарскими чекистами семью царскую распял и церкви ломал. Баловни советской власти, окрепшие в теперешней власти, бушуют на Соборах, уличая *демоническую власть* во грехах, и в пламенных речах былой советский патриотизм... без Бога и царя... вдруг пышно окрасился православной риторикой, словно со скелета сдернули ленинский кумач и облачили костяк в расшитые золотой нитью багряные ризы. Уподобились они *праведным фарисеям* и книжникам, о коих Господь рече: “Дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!” (Мф. 23:5-7)

Искушение русской черни мелкотравчато — пьянство и блуд, кое мы, выходяцы из богемы, прошли вдоль и поперек; а искушение вождей русского па-

триотизма – искушение высокого полета, и цена тому искушению – русский народ. Избранные из божественной черни каются батюшке на исповеди и принародно, в исповедальных сочинениях: де, в калу свинячьем утопаю, “житие на земли блудно пожих и душу во тьму предах, ныне убо молю Тя, Милостивый Владыко: свободи мя от работы сея вражия, и даждь ми разум творити волю Твою”. Принародно плачется простолудин о душе своей, но я сроду не слышал публичного покаяния от верховодов, некогда возлюбленных народом, не устоявших перед соблазнами мира сего.

О том и печаль мудрого и горестного писателя Валентина Распутина, что от русской братчинности и общинности осталась сухая мертвая труха – все сожрал молох индивидуализма, честолюбия, сребролюбия, зависти, злободейства; и вышло так, что взяли русскую элиту прямо по “Протоколам сионских мудрецов”, даже если и сочиненных неведомо кем, то сочиненных со зловещей пронизательностью; впрочем, подобная “дьяволиада” никакой царской охране непосильна. Искусили и взяли с поличными: чем громче и восторженнее русские националисты пели о соборности и братчинности, тем дальше уходили в индивидуализм... ибо живем одна. И все же писатель надеется на чудо: “Если соберем волю каждого в одну волю – выстоим! Если соберем совесть каждого в одну совесть – выстоим! Если соберем любовь к России каждого в одну любовь – выстоим!”

Соберем ли камни, что разметали по миру?.. Но станем уповать на чудо: оживет в русских душах святая любовь к Богу, жертвенная любовь к сестре и брату во Христе, любовь к родимой земле, повеличенной Святой Русью, и тогда выстоим.

Россия, Родина... “Удивительно и невыразимо чувство Родины, – воскликнул писатель в пору озарения и вдохновения. – Какую светлую радость и какую сладчайшую муку дарит она, навещаая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит мало и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельные слух и зрение, позволяющие ему опускаться в самые заповедные дали, в глухие глубины нашей земли. И не стоять человеку твёрдо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, кто он есть”.